

Из дневника 1955 года

Р. Г. Назиров

Задняя сторона обложки
Хлеб до войны — 70 коп.
40 % выпуск <нрзб>
перепроизводство умов <нрзб>
война расстрел
мессершмиты фанера
<нрзб>
росы августа
осколки стекла в ветренный
день
Пекин бомбёжки Москвы.
радиолокаторы
Весна 1955 года.
Лето 1955 года.
Осень 1955 года.
(Короче говоря, до самого Нового 1956-го).
Nomo sum, nihil humani a me alienum esse puto.
Diarius
Р. Назиров
Р. Г. Назиров.
Бродяга Байкал перепрыгнул
Значок ГТО получил
пилить кого-н. («запилил»). Тянуть резину
Еще Одессу не бомбили, а Костя чухнул на Ташкент. . .
Соня: « Ты партизан, а я десантка, давай штурмуем на Джамбул.»

В каждом сердце есть стремление выше,
В каждом горе недосказан плач.
В ресторане на эстраду вышел
Нищетою обглоданный скрипач.
И когда он медленно и жутко
Приподнял тяжёлые глаза,
Побледнели даже проститутки

И на миг умолкли голоса.
А скрипач, раскачиваясь гибко,
Строил город человеческих мук.
Он играл, и вырывалась скрипка
Из его ожесточённых ошеломлённых рук.

Этих струн таинственные нити
И меня окутали, как ночь.
А глаза просили: «Помогите.»
Только я ничем не мог помочь.

Оттого, что страшный и могучий
В ресторане ширился разгул,
Оттого-то в городе созвучий
Я и сам по горло утонул.

Скрипка, жить без воли не могу я,
Не рыдай, хорошая, не плачь!
Пусть тебя, как девушку нагую,
До утра насилует скрипач.

А скрипач, раскачиваясь гибко,
Строил город человеческих мук.
Он играл, и вырывалась скрипка
Из его ошеломлённых рук.

9 апреля. Суббота. Один мой новый знакомый дал мне перевести письмо, полученное его знакомой студенткой из Италии. Я неплохо перевожу с французского, со словарём покушаюсь на итальянский. Письмо интересное, как всякий реальный факт из международной жизни. Пишет девушка из Калабрии. Переписка завязалась через какой-то международный журнал, в котором эта уфимская девушка опубликовала какую-то статью.

Вот это письмо.

10 мая. Что-то не пишется нынче мой дневник. Итальянское письмо я списать не успел; но приблизительно перевёл его и отдал обратно. За время, что не записывал, много было всякого, всего не запишешь.

Лев Григорьевич Бараг поставил мне «отлично» за курсовую работу по литературе. Тема была нелёгкая: Державин и русская портретная живопись второй половины XVIII в.»

Накануне 1 мая приехал из Москвы Саша Панкин. Он бросил институт и хочет перейти на гуманитарные науки. Не будет из него проку, и не добьётся он желанного успеха в жизни: пустой человек, без определённой цели и без крепкой веры. Правда, жизнь он повидал, хлебнул горя, чуть не вылетел из комсомола, но ничего это его не научило. Он гордится своей связью с блатным миром; рассказывает о том, что работал грузчиком на железной

дороге вместе с другими голодными студентами. Намекает на грандиозные попойки и успех у женщин. Называет себя почётным членом Лиги по искоренению невинности.

Я записал от него несколько интересных песен наполовину студенческого, наполовину блатного характера. Он знает лишь обрывки, ни одной целой песни, но и это интересно: современный городской фольклор.

Если не попал в аспирантуру,
Собирай свой тощий чемодан,
Поцелуй папашу, поцелуй мамашу,
Отправляйся в путь на Магадан.

[Из следующего куплета лишь одна строка: «В Магадане хороши цветочки»...]

Не помог влиятельный папаша
И знакомый мамин отказал,
И по назначенью, словно в заключенье,
Из Москвы стилияга уезжал.
...
... инженером старым
Ты в Москву вернёшься при деньгах.
Ты возмёшь такси до «Метрополя»,
Будешь пить коньяки и шпроты жрать,
... напролёт всю ночь
Будешь ты студентов угощать,
Будешь плакать пьяными слезами
И стихи Есенина читать,
Вспоминать студенту с синими глазами,
Что могла тебе подругой стать.

Конец увяз в дебрях его памяти.

Довольно свежая лагерная песня, сложенная на сильно переделанный мотив романса «Если можешь — прости». Тоже обрывки.

Это было весной,
В зеленеющем мае,
Когда тундра покрылась
Золотистой листвой.
Снег как будто нарочно
Наудачу всё таял,
О чём лишь думать
..? Загнанный вор.

Припев.

По тундре,
По железной дороге,
Где мчится поезд «Воркута — Ленинград»,
Мы бежали с тобою
Тайгой золотою,
Опасаясь услышать
Грубый окрик солдат.
Может, там, на свободе
Свою крошку оставил
И о ней вспоминает
...

В оцеплении тяжком
Люди часто мечтают.
Мысли их охраняет
По углам автомат.

Припев.

По тундре,
По железной дороге,
Где мчится поезд
«Воркута-Ленинград»,
Мы бежали с тобою
Тайгой золотою,
Опасаясь услышать
Грубый окрик солдат.

Дождик капал на руки
И на дуло нагана.
Охра нас окружила:
«Руки в гору!» — кричат.
Но они просчитались:
Оцепление пробито.
Тех, кто смерть презирает,
Пули брать не хотят.

Припев.

По тундре,
По железной дороге,
Где мчится поезд

«Воркута-Ленинград»,
Мы бежали с тобою
Тайгой золотою,
Нас в тайге не застигнет
Пистолетный заряд.

(Совсем как в старой песне: «Пуля стрелка миновала»).

Помнишь, как ночью холодной и тёмной
Ехали в санках втроём.
Лишь фонари по углам одинокие
Тускло мерцали огнём.
В санках у нас, под полою медвежьей,
Чёрный лежал чемодан.
Каждый в кармане невольной рукою
Щупал холодный наган.
Вот мы подъехали в дому знакомому,
Встали и молча пошли.
Сани с извозчиком дальше поехали,
В снежной растаяв пыли.
Двое зашли в подворотню глухую
Двери бесшумно ломать.
Третий остался на улице тёмной,
Чтобы сигнал подавать.
Вот мы вошли в помещение тёмное.
Всюду диваны, шкафы.
Денежный ящик на нас вызывающе
Прямо смотрел с высоты.
Помню, как свёрла стальные, упругие,
Словно два чёрных шмеля,
Вмиг просверлили четыре отверстия
Против стального замка.
Дверца стальная бесшумно открылась,
Я не сводил с неё глаз.
Деньги бумажные пачками целыми
Мо Прямо смотрели на нас.
Вот мы набили четыре портфеля,
Денег не смея считать.
Каждый из нас в эту ночь передумал

Жизнь по-иному начать.

Мне же досталась сумма немалая:

Сорок пять тысяч рублей.

Дал себе слово покинуть столицу

И выехать в несколько дней.

С толстым портфелем, с цветами в петлице,

В новом английском пальто,

Ровно в семь тридцать покинул столицу

И даже не глянул в окно.

Всё покидал я: тюрьму одиночную,

Свет петербургских ночей,

Женщин продажных, огни ресторана

И даже хороших друзей.

...

Деньги, как снег в половодье, растаяли,

Я уж красоте не рад.

Снова пришлось с головой окунуться

В шумный родной Петроград.

А вот пошлейшая и гнуснейшая песенка в ярком кабацком стиле:

Рестораны, снова рестораны,

Снова тот отдельный кабинет,

В этом кабинете ресторана

Ты ни разу не сказала «нет».

Припев.

Муж твой далёк, он в море,

Ждёт от тебя привета.

В молчании с волнами споря,

Шепчет: «Где ты? Где ты?»

Губ твоих покрашенных малина,

Руки обнажённые твои,

От немалой дозы кокаина песня не новая

Под глазами синие круги.

Припев.

Только тихо звякнули бокалы,

Капли на подушку уронив.

Брошенный мужской рукой усталой,

Шлёпнулся на пол презерватив.

Припев.

Разложение московской золотой молодёжи дошло до очень высокого градуса.

Блатная песенка:

Эх, мне исполнилось шестнадцать,
Когда скончался мой отец.
Не стал я матери бояться, боже мой!
И стал большой руки подлец.

Мой старший брат служил в лягавке,
Хотел за мной он подследить,
Но как узнал, что я с машинкой, боже мой,
Боялся близко подходить.

И вот собрался я на дело,
Я взял зубило, долото.
Добрался я в одну хавиру, боже мой,
Бесшумно выставил окно.
Но тут случилось несчастье:
Открылись вдруг все ворота.
Четыре агента с машинкой, боже мой,
Схватили под руки меня.

[И вот сижу я за решёткой,
А завтра надо мною суд и т.д.]

В начале 20-х годов была сложена эпическая баллада об ограблении сейфа тремя бан-
дитами. Вот куски этой баллады:

Холодно, холодно в камере тёмной.
Дым выедает глаза. . . .

[Узник вспоминает прошлое].

Помнишь, товарищ,
Как вечером [зимним]
В санях мы мчались втроём.
Каждый в кармане рукою дрожащей
Щупал холодный наган.

[Сани подъезжают к большому дому.]

Двое вошли под ворота угрюмые,
Чтобы замки там снимать,
Третий остался на улице тёмной,
Чтобы сигнал подавать.

[Видят перед собой медвежонка — сейф].

Помнишь, товарищ, как свёрла вращались,
Мы не спускали с них глаз. . . . (нет 2 строк)
Помнишь, товарищ, как двери открылись. . . . (створки шкафа)
. . .
Ровные пачки червонцев советских
Молча глядели на нас.
Тут обломилась мне доля немалая:
Ровно сто тысяч рублей.
Дал себе слово покинуть столицу
И выехать в несколько дней.
. . . . Скромно одетый, с цветочком в петлице,
В сером английском пальто,
Ровно в семь тридцать покинул столицу
И даже не глянул в окно.

[Он проезжает через Харьков, тогдашнюю столицу Украины, и кутит на Юге].

Тут мои денежки быстро растаяли,
Надо опять воровать.
Нужно опять с головой окунуться
В хмурый седой Ленинград.
. . .

16 июня. Четверг. Лето. Все экзамены сдал на «отлично». Занимаюсь греблей. Света Чернышова, второгодница в 9 «А» кл. 45-й школы, девушка, в которую я чуть не влюбился, провалила 3 экзамена. Она, говорят, уезжает жить к родным в Чкалов.

Эльвира Берлявская стала уже Эльвирой Киреевой (это фамилия её Лёнчика). Она занимается художественной гимнастикой, выступает по 1-му разряду.

Я прочёл за последнее время сценарий «Огней рампы» Чарли Чаплина, прекрасную пьесу В. Розова «В добрый час», превосходный роман Даниила Гранина «Искатели», любопытные мемуары контрреволюционера Шульгина («Дни» и «1920 год»). Прочёл четырёхтомник Есенина, роман Гроссмана «За правое дело» и т.д. и т.п. Среди большой литературы затесалась даже бульварная книжонка Клода Фаррера «Последний бог». Последний бог для Клода Фаррера — это Фаллус. Прочёл «Дамское счастье» Золя, несколько пьес

Фейхтвангера («Военнопленные», « 9 ноября», «Коричневые острова»), перечитывал Хенрика Ибсена, прочёл «Картины Парижа» Мерсье. Во время экзаменов прочёл роман Ивана Вазова «Под иггом». Лидин «Могила неизвестного солдата»..

(Et voice, taman! Et voilà, taman!

Mon Charles peut forcer la porte charmant!)

Но в общем Лидин дрянной писатель. Продолжают печататься главы из второй части «Поднятой целины». Вся страна ждёт этой книги.

Наши съездили в Югославию. Декларация. Впервые за несколько лет я вновь увидел в кинохронике маршала Тито. Прошла с огромным успехом декада башкирской литературы и искусства в Москве. Сейчас по Союзу путешествует премьер-министр Индии Джавахарлал Неру со своей дочерью Индирой Ганди.

В Москве Дрезденская галерея; её посещают огромные толпы людей. У музея стоят в очереди с ночи; никому не разрешают задерживаться в залах дольше двух часов. Дайте посмотреть другим.

Наши послали ноту в Бонн: приглашают в Москву канцлера Аденауэра.

Министр культуры Александров этой весной превратился в заведующего кафедрой литературы в Саратовском университете. Причиной тому — крупные шалости почтенного товарища. Под Москвой на даче был организован маленький уютный бордель. Там собирались в интимной обстановке несколько друзей, человек шесть весьма почтенных и солидных деятелей, в их числе министр и какой-то видный профессор. В их распоряжении были очень красивые девушки, студентки, которым было обещано после окончания института дать им тёплое местечко в Москве. По другой версии в оргиях участвовали актрисы кино и шестнадцатилетние воспитанницы кордебалета. Организовывались афинские ночи — банкеты с голыми женщинами. Рассказывают, что одной из главных нимф была киноактриса Ларионова, имевшая большой успех у зрителя в кинофильме «Анна на шее» (по Чехову). Ларионова молода, хорошо сложена, красива. Она выходила в костюме из тонкого шарфика на бёдрах, *rien que cela*. Раз, два, три! — кто первый добежит до неё и сорвёт шарфик, тот на эту ночь её султан.

Довольно грязная история!

В Москве исключили из правления ССП и, кажется, из партии двух литераторов — за махровый антисемитизм. Один из них, Васильев, написал поэму под названием «Без кого на Руси жить хорошо».

В одном из ресторанов Москвы исполнялась джазовая песенка, переведённая с английского, интересная по содержанию.

Шеф даёт нам приказ

Лететь в Кейптаун.

Говорят, что там есть зелёный мавр. . .

. . . Не лучше ль сразу пулю в лоб — и делу крышка!

Но ведь смерть, говорят, не передышка.

Так проходит вся жизнь в сплошном тумане.
Счастье только в вине, в ресторане,
Где тихо плачет саксофон, рыдают скрипки,
В папиросном дыму дрожат улыбки.

Плачут губы твои, в дыму нечистом.
Говорят, нет любви у журналиста.
Есть только дикий пьяный бред и сакса звук унылый,
А между тем, дни идут,
Теряем мы подруг.

Каждый день, каждый час
Жизнь всё короче.
Чей-то взор манит нас
В объятья ночи.

Бокал шампанского и джаза ритм унылый
И дорога одна нам — в могилу.

20 июня. Понедельник. Илья Эренбург сказал: «Русская поэзия началась двумя трупами и кончилась двумя трупами». Пушкин и Лермонтов, Есенин и Маяковский.

Накануне II съезда Илья Сельвинский назвал четырёх родоначальников советской поэзии: Александр Блок, Сергей Есенин, Эдуард Багрицкий, Владимир Маяковский.

Начало интересной ленинградской песни:

На проспекте Гоголя опадают клёны.
Облака над городом целый день стоят.
Мальчикам и девочкам, по уши влюблённым,
Дождики и дворники не дают гулять.

Мы напротив Гоголя назначили свиданье
На скамейке крашеной справа от угла.
В голубые сумерки осенью холодной
В восемь без пятнадцати ты меня ждала.

В голубые сумерки осенью холодной
Ты сказала первая: «Уходи, прощай!»
Так живи пожалуйста, как тебе угодно,
И кому понравишься, встречи назначай.

Наши встречи кончились, ты совсем чужая.
Ты проходишь мимо и не узнаёшь.
Ты одними танцами бредишь, дорогая,
Никому не нужные песенки поёшь...

11 июля. Понедельник. Страшную глупость я записал в своём дневнике. Конечно, бывший нарком Ежов не существует на свете. Говорят, он сошёл с ума и выбросился из окна лечебницы (как Джемс Форрестол). Одним словом, теперешний начальник строительства метрополитена — его однофамилец.

Меня пугает открытие, которое я сделал в себе самом. У меня слабая воля. Вернее, я ставлю перед собой цель и легко от неё отказываюсь. Мечтал пойти на исторический, а учусь на литфаке. Хотел увидеть Дрезденскую галерею, поехал специально в Москву и уехал ни с чем.

В Москву я отправился с Сашей Филипповым. Выехали в 11 часов утра по местному времени, 28-го числа. 30 июня были в Москве. У Саши было дело (он сказал мне только в Москве, что едет с целью попасть в Литинститут); а я фактически был его компаньоном. Завидная должность! Он бегал в институт и редакцию «Нового мира», добился аудиенции у К. Симонова, а я два дня безуспешно стоял в очереди за билетами в Дрезденскую галерею. Она помещалась в Музее имени Пушкина, Волхонка, 12. Фасад Музея был украшен двумя знамёнами: России и Германской Демократической Республики. Очереди огромные, масса милиции, автомобили с трудом проезжают по переулку, загруженному толпой. Наплыв резко возрос в конце июня из-за студентов и приезжих. Возле Музея есть какой-то сад, окружённый невысокой оградой из какого-то рыхлого рыжего камня. Эту стену обтекала очередь, зарождавшаяся в полночь (а Музей открывается в 9). Стена вся исписана карандашами, изрезана перочинными ножами, облеплена бумажными кружками от мороженого. Здесь преобладают инициалы, сложносокращённые названия московских вузов и даты, месяц обозначен римской цифрой. «Здесь стояли насмерть студенты ВТУ им. Баумана. Умираем, но не попадём». «Осторожно, не прислоняться: стена пачкается». «Здесь ночевали Коля, Маша, Женя. Спали под воротами. . . » и т.д.

Говорят, что Эрмитаж во много раз сильнее «Дрезденки». В Москве я отыскал квартиру Феликса — в новом доме на Фрунзенской набережной, 10-й этаж. Феликс на практике, но я разговаривал с его матерью и привёз несколько фотографий.

С огромным трудом, после полуторачасовой беготни по лестницам и коридорам огромных корпусов Студгородка, я отыскал комнату, в которой живёт Эльвира. Но она уже была в Ташкенте, у своего законного мужа, Леонида Киреева. Словом, с Москвой у меня полная неудача.

Пошатался по городу, покатался в Метро, видео памятник Юрию Долгорукому на Советской площади, памятник Гоголю и Горькому. Посидел в сквере у фонтанов, позади бронзового опекушинского Пушкина. Был в Академкниге, подержал в руках французский путеводитель по музею Карнавале, но пожалел 25 рублей (не дурак ли?). Зато посидел в кафе-мороженом на улице Горького, бывший cocktail-hall, съел вазочку пломбира, запивая портвейном. Мечтал празднично и глупо о шикарной жизни.

Шикарная жизнь — она манит, как магнит, притягивает московскую молодёжь. Женщины в узких юбках, обтягивающих бёдра; косынка на груди закалывается модной брошкой

с пластмассовыми цветками в виду колокольчиков: белые с золотыми краями цветы, внутри пушистые обрезки ниток, изображающих тычинки. Красиво и дёшево. Женщины совсем отбросили рукава, носят крылышки ангелов, которые в жаркую погоду забрасывают вверх, чтобы загорали их анемичные плечи. Брови, ресницы, крашенные губы, маникюр и прочие чудеса косметики. Капрон — только без шва.

Танцевать в узких юбках дьявольски неудобно, и на «танцверанде» девушка — стилига расстёгивает разрезы с обеих сторон, так что в них развеивается комбинация.

Видел я и московских ребят — стилиг. Серые, из грубой пятнистой материи, пиджаки, с огромными «наваченными» плечами, долгополые — чуть не до колен, широченные; и под ними узенькие брючки, такие короткие, чтоб было видно носки. Обувь — пресловутые «трактора», туфли на очень толстой подошве, рант которой образует волнистую линию. Человек в длинном пиджаке и коротеньких брючках кажется сверхестественно коротконогим. Носят ещё курточки с накладными карманами и погонами той же материи; такие куртки, если не ошибаюсь, носят американские boys-scouts. Некоторые стилиги вместо брюк носят такие макароны, что их трудно натянуть на ногу: наденут — застёгивают внизу замок «молнию», и уже брюки нельзя сдвинуть на миллиметр. Стилиги говорят, что в широких брюках нельзя танцевать. Причёски прилизаны и лоснятся от бриолина; сзади волосы доходят до воротника. На голове носят лондонку. Происхождение этого головного убора понятно из самого названия. Галстуки длинные до неприличия; пиджаки кроются однобортные и застёгиваются на одну пуговицу, так что галстук виден во всей красе. Особенным успехом пользуются контрабандные галстуки с голыми женщинами. Тросточка, золотое кольцо на пальце, в холодную погоду пальто, плащ, кашне — таковы московские альфонсы.

Последнее увлечение Москвы — ресторан «Прага». Сейчас он самый модный в нашей столице; это чешский ресторан, открыт он недавно. Москве становится столицей мира. Её население перевалило за 7 миллионов, не считая окрестных городов, фактически слившихся с Москвой.

Стилиг не тот, кто одевается по заграничной моде и танцует по манере, принятой в дансингах Нью-Йорка. Феликс тоже носит кок и узкие брюки, но я не виню его. Важно, как у кого причёсаны мысли. Московские стилиги называют всех нестилаг плебеями. Серость, темнота — таковы их любимые словечки. Стилига женского рода — дерзко размалёванная девушка с замашками проститутки. Философия стилиг — цинизм, демонстративное презрение к «предрассудкам», тайное восхищение американским образом жизни. Небоскрёбы, Пятая авеню, Бродвей, пьяные шофёры, которые правят лёжа и несутся на бешеной скорости, одной рукой обнимая девицу, другой держа сигарету и крутя руль ногами.

Кстати об Америке: в последних выпусках кинохроники показаны интересные иностранные кадры. В Нью-Йорке строился новый гигантский небоскрёб; работы обошлись в 35 миллионов. Он обрушился, когда был уже почти готов; под обломками металлических конструкций погибло сорок рабочих. Гигантская руина, по которой бродят люди в пожарных касках. В другом городе, кажется, в Миннеаполисе, проходили грандиозные автомобильные

гонки. Рёв толпы, поток машин, летящих на сверхъестественной скорости. Пять автомобилей столкнулись: длинные гоночные «кары» взлетают в воздух, как мячики, и шаловливо кувыркаются. Вспышка пламени и белого дыма. Зловещая музыка джаза и голос диктора: «Один гонщик сгорает вместе с машиной. Повидимому, никого кроме пожарных это не интересует. Гонки продолжаются». Снова дикий джаз и бешено скользящие по треку автомобили.

Вот этой жизни, полной нездоровых сенсаций и ложной красоты, завидуют наши стилисты.

Увлечение стилем, цинизм, разложение пережравшейся интеллигенции порождает чудовищный разврат. В Москве разврат такой, что не знаешь, чему верить. Женские общежития заводов и фабрик переведены на казарменный режим: в них творилось нечто неудобосказуемое; там насиловали мужчин. Теперь эти общежития запираются от зари и до зари; но когда этот режим только что был введён, были случаи убийства комендантов.

Когда у студентов кончается стипендия, в общежитиях на дверях появляются белые листочки: «Комната закрыта, все ушли в сутенёры». (Этот перл остроумия представляет собой пародию на известное воспоминание эпохи гражданской войны: «Комитет закрыт, все ушли на фронт»).

(Да, ещё один стильный неологизм: «дикостно». Они говорят: «Дикостное платье». И предельное презрение выражается словом: «Колхозница!»).

Разврат в Москве грандиозный.

Рассказывают, что одно время проститутки в Москве носили модные белые пыльники, надетые на голое тело. Быстро и споро для их работы: расстегнулась — и застегнулась. Ветерок дунет, отпахнёт подол — видны колени и более. В некоторых парках Москвы по вечерам заняты все скамейки: девушки сидят на коленях у мужчин, объятия и поцелуи. Теперь милиция как будто взялась преследовать проституцию. Раньше проститутки состояли при гостиницах. У приезжающих вполголоса спрашивал коридорный: «Не нужно ли вам девушки для личных услуг?» Конечно, он получал комиссионные от «девушки». Теперь у проституток свой опознавательный знак. Это я видел своими глазами. Стоит девушка, одетая по бульварной моде, и вращает на указательном пальце ключ. Выражение лица неопределённое. Ключ — символ. Он гласит: «Квартира свободна. Ключ у меня. Всегда готова вас принять. Прощу.» Ключ вращают и на танцплощадке. Девушка танцует с модной сумочкой подмышкой, надетой через плечо на ремне; на пальце висит ключ.

Сцена: Студенты выходят из «Метрополя», подкатывает такси, набитое проститутками. «Мальчики, идёмте к нам, все, все!» Двое дурачков пошли. И надо бы им вынуть стипендию, отдать товарищам на сохранение, оставивши немного на расходы. Они же повезли с собой по 300 рублей во внутреннем кармане пиджака. Вернулись; с собой привезли утром 25 рублей каждый.

Ещё об экс-министре Александрове. Оказывается, скандал разразился после того, как в американском журнале появилось фото, изображавшее полураздетого министра с полу-

голой женщиной (кажется, Ларионовой). Под сенсационным снимком была саркастическая надпись типа пушкинского «таковы благородные увеселения» — и т.д.

Чем лучше эта Ларионова последней проститутки, которая пляшет голая перед зеркалом, чтобы возбудить пресыщенного клиента? А по слухам, Ларионова уже где-то снимается в новом фильме. Хотя трудно поверить.

Проституток в Москве масса. И порядочные женщины отличаются от девок тем, что не берут разовой платы.

Преступность, правда, меньше, чем в год амнистии, но тоже немало громких дел. Месяц назад газеты писали о том, как пьяный школьник на выпускном вечере застрелил наповал из револьвера студента-дипломника. Револьвер достал товарищ убийцы, это оружие его отца.

Кровавое и грязное дело разыгралось у нас в Уфе. Дочь башкирского писателя Тажетдинова, девочка 12 лет, хотя достаточно развитая физически, пошла часов в 6—7 дня с матерью за покупками; она на мгновение вышла или скорее была вызвана из магазина кем-то из близких. Её посадили в автомобиль и увезли покататься. Девочка исчезла. Её нашли на Собачьей горке (холм в окрестностях Уфы или какая-то глухая окраина). Труп свидетельствовал о кровавом изнасиловании: глаза выколоты, груди отрезаны. Следствие установило, что девочку продал её дядя. Сначала в преступлении заподозрили каких-то армян или грузин, базарных спекулянтов, приезжающих в Уфу продавать фрукты. Теперь выяснилось, что садисты оказались доморощенные, жители Уфы. Дело тянется. Что-то очень скандальное.

5 августа. Я вернулся с практики из летнего оздоровительного лагеря уфимской ДТВК имени Александра Матросова, где работал вожатым во второй смене. За это время я получил письмо от Феликса из Красноярска. Я в Москве оставил ему записку, Нина Григорьевна переслала эту записку Фельке, и он написал мне письмо. Я написал ему из лагеря огромное письмо и послал заказным, авиапочтой. Сейчас он где-то на Ангаре, с экспедицией АН СССР.

О практике записывать неохота, хотя было кое-что интересное. В общем, это, конечно, принесло мне пользу.

Вернувшись, я набросился на газеты. Женевское совещание, знаменитые фотографии улыбающихся премьеров. Седой, лысеющий Эйзенхауэр и располневший, тоже седой, Булганин. Новые веяния. Всеобщая воля к миру. Конец «атомного века», легенды о последнем дне Помпеи. Человечество не погибнет. Те, кто спешили лихорадочно насладиться жизнью в ожидании массовой гибели под белым цветком атомного взрыва, обманулись. Дело идёт к уничтожению страшного оружия, одна мысль о котором потрясла весь мир.

В «Лит. газете» от 2 авг. помещён интересный обзор иностр. печати, «Впечатления западногерманских журналистов».

Ганс Церер, редактор гамбургской газеты «Die Welt», писал во время пребывания в Москве:

«Когда я приехал сюда, первый выход на улицу казался мне опасным приключением. Сегодня я сожалею, что мне предстоит разлучиться с этим городом. Если бы сейчас не было так душно и не было бы этой страшной жары, я бы вышел снова, чтобы посмотреть на детей и их игры, я прошёлся бы по саду, тянущемуся вдоль Кремлёвской стены, сел бы на одну из скамеек, закурил бы папиросу с длинным мундштуком, я бы завязал разговор с каким-нибудь человеком, я бы объяснился с ним при помощи обрывков русских и немецких фраз. Я бы совсем не думал при этом, что он как-то особенно выглядит или как-то особенно одет, и не испытывал бы ни малейших сомнений, не опасен ли этот разговор. . .

Вот она, Москва, вот он, Кремль, и всё это выглядит совсем иначе, чем в тех представлениях, с которыми я сюда приехал, в представлениях, которые распространяются книгами и репортажами, в представлениях, за три с половиной десятилетия ставших моим достоянием. Необходимость преодолеть барьер подобных представлений вызывает почти физическое чувство боли. Это продолжается несколько дней подряд, но потом это проходит. И тогда вы выходите на улицы, идёте в толпу. Никто не смотрит на вас, никто не следит за вами. Можно заходить в лавки (?), универсальные магазины, рассматривать товары. . . Никакая «тень» не будет следовать за вами, как это утверждали у вас на родине и как вы сами к этому приготовились.

Когда мы приехали сюда, мы старательно запирали наши чемоданы в гостинице. Мы были осторожны при записях, и не исключено, что некоторые из нас обследовали свои комнаты, разыскивая в них хитроумные приспособления для подслушивания разговоров. Сегодня мои вещи разбросаны повсюду: записи, заметки, книги, бельё. . .»

Карл Герольд, главный редактор «Frankfurter Rundschau»:

«Я побывал в Кремле, я посетил Загорский монастырь и присутствовал там на богослужении и вёл долгие разговоры со священниками; я провёл несколько часов с одним из «бургомистров» Московского городского Совета; я посетил исправительно-трудовой лагерь; я провёл воскресенье в Доме отдыха в Суханове; я побывал в деревнях. Мне нередко удавалось объясняться самостоятельно, потому что я встречал гораздо больше людей, которые говорят по-немецки, по-французски или по-английски, чем я предполагал».

Хадек-Штейнер, представитель газеты «Rheinisch Westfälische Nachrichten», пишет:

«Москва — это мировой город с шестью миллионами или, может быть, восемью. . . Автомобили движутся по главным улицам в восемь рядов, по четыре в каждую сторону. На улицах днём и ночью прохаживаются. С ними можно заговорить о чём угодно. Никто не проявит никаких опасений, что разговор будет подслушан. . . У всех товарищей (это слово Штейнер пишет по-русски в немецкой транскрипции. — Ред.) — советских граждан, как мне показалось, есть деньги, и — ей-богу! — они умеют их тратить. Всюду — в парках, на улицах и площадях, в ресторанах — я видел и слышал смеющихся людей. Мы отмечали все степени хорошего настроения и юмора, от тихого веселья до громкого смеха. Перед Музеем имени Пушкина стоит трёхтысячная очередь. Что здесь происходит? Может быть,

здесь бесплатно раздают горячие сосиски? Нет. Здесь выставка картин Дрезденской галереи. . . У каждого третьего прохожего на улице в руках книга. Читальни публичных библиотек переполнены. . . Всюду можно заметить проявление ненасытной жажды знания. Молодой солдат без всяких чинов объясняет в Третьяковской галерее своему маленькому сыну содержание картины Ильи Репина.

Театры и концертные залы битком набиты. «Ну, конечно, — скажут мне, — потому что больше ничего нет!» Заблуждаетесь! Во всех ресторанах и столовых можно и поесть и попить, при желании роскошно и притом недорого. А там, где играет оркестр, там, конечно, весело танцуют. . . Чествование Шиллера, нет, не в Веймаре, а здесь в Москве, вовлекает тысячи человек, становится центром внимания, кинохроники и телевидения».

Вальтер Мёллер:

«В библиотеке степной деревни мы увидели русские издания Гёте и Шиллера; дети в Сталинграде спели нам народные немецкие песни; сказки братьев Гримм мы обнаруживаем в каждом детском саду. Особенно Гейне, как кажется, в Советском Союзе известен больше, чем в самой Германии»

Западногерманский писатель Райнер Мария Валисфурт:

«В сорока кабинетах Дома пионеров в Тбилиси перед моими глазами впервые открылся занавес, который закрывал панораму европейского образования в Советском Союзе. . . Маленькие пионеры, за которыми я наблюдал в течение целого дня, занимаются всем, что только может заинтересовать человеческий ум. Они изучают природу человека и мир звёзд, они занимаются пчёлами и цветами, изучают земную кору и океаны. И всё это происходит наряду со школой, учение слилось с игрой, стало формой организации времени. Знать, знать больше, знать как можно больше — вот их желание.»

«Разве от этих детей исходит опасность? Разве Советский Союз намеревается подчинить себе Запад? Разве Европа должна обороняться против Востока? Всё то, что составляло величие Европы. . . продолжает жить в Советском Союзе, сохраняемое юными и старыми людьми этой страны. Здесь — от Зала имени Чайковского в Москве и до Дальнего Востока — исполняются произведения западных композиторов. И как их слушают! (В советских концертных залах места не пустуют). Быть может, нигде в мире нет такого бережного отношения к музыке, как в стране под красной звездой. Нужно ли защищать Европу против такого «варварства»?

3 июля с.г. умерла Татьяна Фёдоровна Есенина. Она пережила своего сына почти на 30 лет.

25 июля умер (говорят, от разрыва сердца) композитор Исаак Осипович Дунаевский. Глазунов считал его лучшим из своих учеников. Дунаевский был народный артист РСФСР. Он не писал опер, но его песни поёт вся Россия. Вчера вечером, проходя на улице, я услышал за занавеской одного окна нестройный хор пьяных голосов. Мужчины и женщины ревели песню из кинофильма «Кубанские казаки»: «Ой, цветёт калина в поле у ручья. . .» Они не подозревают, что поют песню, которую сочинил еврей.

А вот еще интереснее:

Правление Московского отделения Союза писателей СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти критика и литературоведа Бориса Леонидовича ДАЙРЕДЖИЕВА, последовавшей 31 июля 1955 года, и выражает соболезнование семье покойного. Кремация 2 августа в 16 час. 30 мин.

Дайреджиев — одна из жертв борьбы с космополитизмом. Каких только собак на него вешали! И вот — «с глубоким прискорбием». Времена меняются!

Детали Женевского совещания. Эдмунд Османчик, польский публицист, печатал в «Литгазете» «Женевский дневник».

«17 июля. Сегодня, в солнечный воскресный день, с самого утра поток журналистов, комментаторов, наблюдателей, фоторепортёров и кинооператоров устремился на аэродром Куантрэн, чтобы успеть занять удобное место в момент прибытия Советской Правительственной Делегации.

Стоявший рядом со мной молодой и экспансивный американский фоторепортёр, впервые в жизни так близко видевший советских государственных деятелей, лихорадочно щёлкал аппаратом, немилосердно крутил головой и с приятным удивлением выкрикивал, не стесняясь:

— О, смотрите, смотрите — Булганин!!! А это Хрущёв?! О, вери-вери гуд!.. О-о, Жуков, грэнд маршал! Наш Айк ценит его!

Потом этот непоседа-фоторепортёр направил свой аппарат на улыбавшегося Министра иностранных дел СССР В. М. Молотова, который в окружении толпы дипломатов как раз в это время проходил мимо трибун прессы, и несколько раз сфотографировал его».

«Женева встречает прибывающих глав четырёх великих держав надеждами, цветами и... знойным летом. Это последнее обстоятельство позволило одному из видных французских карикатуристов сделать рисунок, отражающий настроения, царящие здесь. На нём изображены Эйзенхауэр, Булганин, Иден и Фор, дружески беседующие под жаркими лучами солнца перед Дворцом Наций. Они без пиджаков, в летних рубашках с расстёгнутыми воротниками и утирают пот со лба. Под рисунком надпись: «Ну вот, кажется, холодной войне действительно наступает конец!»»

22 июля Османчик писал: *«Сегодня днём один из таких запыхавшихся от беготни корреспондентов какого-то агентства чуть не сбил меня с ног. Через час я увидел его в баре Дома прессы. В перерыве между двумя глотками сода-виски он делал записи в блокноте. Я спросил его:*

— Куда вы так спешили?

Оказалось, что на встречу Дуайта Эйзенхауэра с маршалом Г. К. Жуковым. Ещё с утра разнеслась весть, что маршал приглашён на завтрак к президенту.

— Ну и что?

— А то, — ответил репортёр, — что маршал Жуков приехал на «ЗИСе» без всякого эскорта и — подумайте только! — с одним лишь адъютантом и шофёром».

Далее, тот же Эдмунд Османчик:

«Вечером 23 июля вереница автомобилей покинула Дворец Наций. В открытых машинах ехали Н. А. Булганин и члены Советской делегации. Президент Эйзенхауэр также последовал в открытом автомобиле, премьеры Иден и Фор опустили стёкла в своих лимузинах. . .

Совещание Глав правительств четырёх держав закончило свою работу. Жители Женевы торжественно проводили гостей. Погасли огни праздничной иллюминации. Но в Доме прессы всё ещё шумно и по-праздничному оживлённо. Журналисты перебирают субботние впечатления.

«Большой день» Совещания, увенчавший его работу принятием согласованных директив, изобиловал драматическими моментами. Напряжение достигло предела, когда разнеслась весть, что Главы правительств уединились в маленькой комнате и заняли места за одним столом. Вместо 50 — 60 человек, присутствовавших на рабочих заседаниях, на этот раз каждая делегация была представлена четырьмя лицами. Эдгар Фор, вспоминая об этом узком заседании, сказал вчера в интервью корреспонденту французского радио: «Мы заняли места за прямоугольным столом, и все мы почувствовали себя физически и, стало быть, морально гораздо ближе. . .»».

В день окончания Совещания корреспондент американского агентства Юнайтед Пресс, комментируя итоги Совещания, передавал, что «Запад и Восток согласились положить холодную войну в холодильник.»

Всюду говорят, что Женева — перемирие в холодной войне. Перемирие — но ещё не мир. «Дух Женевы» борется с духом Фултона. Оружейная промышленность и атомные заводы невидимо влияют на дипломатию. Однако настроение во всём мире праздничное.

В Варшаве идёт V фестиваль молодёжи и студентов.

[Перед отъездом в Москву я прочёл «Germinal» Золя по-французски и «Жизнь Чарли», написанную Садулем].

14 августа. Вот он, дух Женевы! Советское правительство к 15 декабря демобилизует 640.000 человек из армии. Их направят в колхозы, совхозы и на предприятия.

Ещё раз о Берия. Рассказывают, наши вожди не знали, как его арестовать. Пришлось созвать специальный пленум ЦК. Берия спокойно заседает вместе с другими. Встаёт Булганин: «Следующим вопросом нашей повестки дня является личное дело Берия. Берия, сдайте оружие». С заседания он вышел уже под охраной.

Политический мир отдыхает. Момент затишья. Неопределённое равновесие, от которого мир может покатиться в сторону улучшения или в сторону ухудшения. Непокойно во Вьетнаме. Возвращены 29 моряков с «Туапсе». Требуем двадцать остальных.

19 ноября. Больше трёх месяцев не брался за дневник. Не знаю, буду ли я дальше с ним возиться.

2 сентября нас отправили в колхоз. Там мы провели больше месяца. Вернулись 7 октября. Работали, как батраки, за харчи, никаких трудовых мы не получили. Я лично заработал 40 трудовых и уехал ни с чем.

Колхозники работают неохотно, особенно молодёжь. Из колхозов все бегут. У колхозника нет паспорта, но после армии, получив паспорт, никто не возвращается в колхоз. В колхозах только женщины и старики.

Я работал в деревне Карамалы (Ново-Карамалино), девятьюстами с лишним километров к югу от Уфы. Это в Аургазинском районе Башкирии, в 4 километрах от районного центра Толбазы. Я скирдовал солому, заваливал кукурузную массу в силосные ямы, рыл картошку, работал у комбайна на молотье гороха. Немного ближе познакомился с землёй и обнаружил, что я зверски люблю эту землю. Недаром всё-таки мой отец пахал землю.

Ново-Карамалино — колхоз укрупнённый (колхоз имени Микояна). С татарской деревней Ново-Карамалино объединили деревню Константиновку. Константиновские страшно недовольны колхозом и говорят, что лучше бы им было объединиться с татарской деревней Гумерово, а в этом колхозе множество начальников, все воруют, словом — настоящий бардак, как сказала колхозница Таисия, работавшая с нами в Константиновке.

В Константиновке кукурузу сеяли на том месте, где в прошлом году была греча, и на поле выросла греча пополам с кукурузой. Вообще это был первый опыт, и колхоз Микояна впервые сеял кукурузу в этом году.

Один старый колхозник сказал мне: «Кто в колхозе работает хорошо, тот ничего не получает, а кто плохо работает, сапсим не работает, тот много получает». Колхозная молодёжь уважает только машинную работу, только МТС. О скирдовании один молодой колхозник сказал: «Я скирдовать люблю, эта хорошая работа. Раньше часто ходил скирдовать со стариками». Физическая работа такого типа — для стариков. Колхозники работают в МТС или ещё где-нибудь; кругом колхоза лежат покрытые зелёной шкурой известняковые холмы с грязно-белыми обнажениями. Там добывают строительный камень; карьеры видны прямо с улиц колхоза. Один раз камень рвали взрывчаткой, сделали четыре взрыва. Колхозники строят из камня, кажется, новую ферму. Они живут продажей картошки и прочих продуктов, таскаются по базарам. Как только в сельмаге появляется водка, её мигом раскупают.

Один молоденький парнишка, учётчик Фарит, которого я спросил о смысле какой-то глупой работы, ответил смущённо: «Сам знаешь — колхоз!»

Вспоминаю, как на утренней заре бригадир идёт по избам выгонять колхозников на работу. Когда мы разбирали маленькие кучи соломы, под ними, в тёплом и вонючем белом гнилье, часто оказывались мышьи гнёзда. Один раз у меня под ногами оказался рыжий хомячок с продольными полосками на спине, он юркнул и скрылся. Другой раз колхозный мальчик идёт к нашим девчатам и кричит: «Ит ашибыз?» («Мясо кушать будем?») На его вилах, на кончик одного из зубьев, наколота мышья, и он принёс её похвалиться метким ударом.

Какая радость раскинуть по земле усталое тело и глядеть в голубое небо, с белыми облаками! А рядом лежали вилы, и я чувствовал себя человеком, как никогда. Физический труд, бесспорно, вещь замечательная. Но жили мы плохо и питались преимущественно картофелем.

Какие чудесные закаты видел я в колхозе: всех видов, красные, медно-жёлтые и бледные, меланхолические. . . Потом выходил нежный, тонкий, малокровный месяц, и мне вспомнилось:

«Ягнёночек кудрявый, месяц,
Гуляет в голубой траве».

Только там я начал понимать стихи Сергея Есенина. Мне полюбились скромные пейзажи Башкирии, багряно-рыжие леса, осенние стебли земляники, которая окрашивается вся в тёмно-багряный цвет, и стебель, и листья.

А какое странное ощущение я испытывал, когда смотрел в дощатом колхозном клубе в недрах дикой Башкирии довоенный голливудский фильм о кардинале Ришелье и об его агенте, страшном дуэллисте Жилье де Бери, по прозвищу «Чёрная смерть». Этого одинокого и гордого героя, авантюриста и игрока, играл знаменитый артист Конрад Вейдт, с пронзительным взглядом никогда не улыбающихся, грустных и страшных глаз. Жилье де Бери сидит в темнице перед казнью и перетряхивает в ладони два игральных кубика. За ним приходит офицер, чтобы вести его на эшафот. Жилье де Бери бросает кости в последний раз: «О, мне выпало две шестёрки, это редкое счастье!» Офицер иронически отвечает: «О, это ваше последнее счастье!» Но офицер ошибся. Жилье де Бери не был казнён.

Ну, словом, я не жалею, что был в колхозе. Теперь я приехал и снова учусь в своём пединституте.

Булганин и Хрущёв только что прибыли в Дели. Это ответ на визит Неру. На-днях завершилось Женевское совещание министров иностранных дел. Оно не дало никаких результатов. Молотов уже вернулся в Москву. У него сейчас большие разногласия с Булганиным и Хрущёвым. Он был против отправления в Каноссу к «дорогому товарищу Тито». Это и в самом деле большое место для национальной гордости великороссов. Получилось так, что унтер-офицерская вдова сама себя высекла.

6 ноября традиционную речь на торжественном заседании читал Лазарь Моисеевич Каганович. Он говорил быстро, горячо, темпераментно. Слушая его, я вспомнил еврейские анекдоты эпохи нашего безвременья около пятидесятого года. Тогда говорили в Москве: «Почему Москва-река обмелела? Потому что все евреи набрали в рот воды». Евреи шутили, что в России осталось только три еврея: «а шрайер» (крикун), «а швайгер» (молчун) и «а шрайбер» (писун). Это знаменитый радиодиктор Юрий Левитан; Лазарь Каганович, выделявшийся среди правительства своим абсолютным молчанием, и писатель Илья Эренбург, «показательный еврей». Теперь Каганович перестал быть «швайгером», великий немой заговорил. Говорят ещё, в ту эпоху делегация виднейших евреев тайно пробралась к Кагановичу, и он дал им практическое указание: «Держитесь как в трамвае: молчите, не высовывайтесь и не занимайте передние места».

Атмосфера изменилась. Окончательно низвергнут в грязь Фёдор Панфёров. Я слышал, что его процветание в послевоенную эпоху объяснялось благосклонным отношением к нему Сталина. Начала выходить журнал «Иностранная литература», и я уже прочёл в нём повесть Эрнста Хемингуэя «Старик и море», которая произвела на меня огромное впечатление, а также несколько рассказов Эрскина Колдуэлла, которые свидетельствуют о некоторой деградации его таланта. Когда мы ещё работали в колхозе, в Уфе стояли огромные очереди за двухтомником Есенина и за «Декамероном». Сейчас зеленоватые есенинские томики и малиновый «Декамерон» (в переводе Веселовского, известного космополита) стоят у нас в шкафу. Издание Есенина гораздо полнее последнего «Избранного»; в послесловии Корнелия Зелинского Есенин изображается почти что участником революционной борьбы.

Недавно переведён на русский язык и очень хорошо издан роман Лиона Фейхтвангера «Гойя, или тяжкий путь к познанию». В Америке делегация наших журналистов побывала в гостях у Фейхтвангера, и они разговаривали весьма дружелюбно.

Во время нашего пребывания в колхозе чуть не отправился на тот свет президент Эйзенхауэр. Но его вылечили. Он спал в кислородной палатке. Из В наших газетах печатались бюллетени о здоровье Айка.

В Москве прошла неделя французского фильма. В столицу приезжали знаменитые киноактёры Франции: Жерар Филипп со своей женой, актриса Даниэль Дарье и другие. Я посмотрел фильм «Джульетта» и «Тереза Ракэн». В «Терезе Ракэн» играет Раф Валлоне и Симона Синьоре, жена Ива Монтана. Последний фильм из этой серии — «Свет и тень», психологическая драма о двух сёстрах, доброй и злой; в «Джульетте» я видел Жана Маре, он постарел, но играет так же великолепно.

На улице я слышал разговор:

— Тереза Ракэн была продавщицей.

— Нет, жена заведующего магазином.

Люди совершенно забыли, что магазин может быть частной собственностью.

Костя Папков был в Москве. При нём в Москву вернулся с каторги талантливый поэт Ярослав Смеляков. Его встречала вся Москва, и к его квартире не прекращались паломничества. Михаил Светлов, который ведёт семинары в Литинституте на секции поэзии, сказал студентам: «Товарищи, если я сегодня не выпью 200 грамм, то мне будет плохо.» И кончил семинар раньше времени.

За что сидел Смеляков? Прежде всего, Смеляков ещё молод, он выдвинулся только в 30-е годы, писал он о Беломорканале. Моя мать работала тогда в Магнитке, в газете, она только начинала тогда свой журналистский путь. В то время там работала какая-то женщина, авантюристка, бежавшая из настоящего гарема какого-то настоящего восточного паши. За ней приезжал из Москвы человек, которого она называла «Ярка» Смеляков. Он увёз её.

Костя рассказывает, что Смеляков публично заявил: Назым Хикмет дерьмо, его стихи хороши только в моём переводе, если бы не я, их никто и читать не стал бы. Смеляков был

пьян и ударил какого-то из «адъютантов Назыма Хикмета». И это всё? Не может быть. Костя божится, что Смеляков шесть лет носил кандалы. Костя порядочный трепач, ему верить нужно с оглядкой. Приехал Смеляков во вторник (1 октября?) Ясно одно, что это очень талантливый человек. В тоненькой книжке стихов «Кремлёвские ели» собраны стихи 30-х и 40- годов. Среди них есть прекрасные: «Земля», «Милые красавицы России», «Хорошая девочка Лида» и другие. Пять стихотворений я выписал.

Глазков спился. Наровчатов оказался вовсе не таким уж алкоголиком и теперь пишет и печатается. Вот столичный анекдот:

Фадеев и Светлов идут в обнимку по шпалам железной дороги, Фадеев говорит: «Миша, какая высокая длинная лестница!» — «Да, Сапа, — удивлённо отвечает Светлов, и какие у неё низкие холодные перила!» Впрочем, анекдот устарел: Фадеев стал непьющим. Он провёл два года в кремлёвской больнице и вылез из запоя.

Михаил Светлов ведёт семинар в Литинституте. «Я не учёный, я поэт. Я могу преподавать только методом аналогий. У нас сегодня стоит вопрос: что такое тема литературного произведения? Возьмём пример! Молодой человек любит девушку, а она крутит шуры-муры с другим. Молодой человек ссорится с ней и уезжает. Это тема?»

— «Нет, не тема». — «Нет, тема». — «Тема». — «Нет, не тема» — «Тема, но только...»

— «Да или нет? Тема или не тема?»

— «Тема». — «Не тема». — «Нет, пожалуй, не тема».

— «Мандель, тема или не тема?»

— «Не знаю».

— «Это «Горе от ума»!»

Михаил Светлов рассматривает стихи, поданные каким-то студентиком. Рифмуются слова: были — били. «Что вы мне тут пишете? — презрительно говорит Светлов. — Были белы, были груди, оборвали добры люди!» Это в присутствии женщин. А без оных? — «Мальчики, идите вы к ... ой матери со светлыми далями коммунизма. Вы можете написать про дали коммунизма, и это не будут стихи, а можно написать без всяких далей, и это будут хорошие стихи в коммунистическом духе».

Он щедро рассыпает остроты, меткие афоризмы. «Мы не можем испытать из чистого источника поэзии, прежде чем в нём не выкупается главный редактор».

Оказывается, общежития студентов Литинститута — это не что иное, как дачи поэтов и писателей. Костя ночевал на даче Сельвинского.

Прошёл слух, что якобы министр Александров ничего страшного не сделал, что всё это было невероятно раздуто и преувеличенно ханжами. Прекрасная Аллочка Ларионова снимается в кино. В Уфе идёт фильм «Двенадцатая ночь» (по Шекспиру). В роли Оливии — Аллочка.

Есть слух, что Феликс Чернуха женится на Гальке Козьминых. Он не ответил на моё письмо из лагеря и второе, написанное в Уфе после колхоза. Хороший парень Феликс, но я никому не собираюсь навязывать свою дружбу.

Прочёл я «Неточку Незванову» и «Белые ночи», перечитал два раза «Игрока». Из романов его я не читал ещё «Подростка», «Идиота» и ещё что-то. Прочёл паскудную книжку Бориса Савинкова «Конь вороной». Почитывал по старому влечение сердца книги из истории Французской революции: Олар, Тэк, биографию Дантона. Смердный историк Ипполит Тэн. Журналы продолжают оставаться довольно бедными. Не чувствуется светлого дыхания. Сергей Антонов молчит: видимо, пишет что-то большое. Паустовский печатает свою «Золотую розу».

Я продолжаю писать и постепенно совершенствуюсь. Пищу лучше. Может быть, в альманахе «Литературная Башкирия» на следующий год появится мой рассказ. Может быть!

20 ноября. Воскр. Сталин писал о распаде единого мирового рынка после второй мировой войны. В 1953 году внешнеторговый оборот СССР почти в 4 раза превзошёл довоенный уровень. В 1954 г. объём внешней торговли Советского Союза достиг 25 миллиардов рублей. Сейчас мы торгуем с 58 странами, в их числе (кроме народных демократий) Индия, Франция, Италия, Греция, Швеция, Бельгия, Англия, Голландия, Дания, Финляндия и др. Китайцы закупают каучук у Цейлона, хлопок у Египта, рис у Бирмы.

В США побывала группа наших журналистов. Николай Грибачёв пишет: «В Лос-Анжелосе мы посетили писателя Лиона Фейхтвангера, он сердечно принял нас в своём загородном домике, с веранды которого открывается вид на прибрежные холмы и океан, рассказывал о своей работе и замыслах. В разговоре с нами Л. Фейхтвангер выразил удовлетворение тем, что его произведения переиздаются в Советском Союзе, и сказал, что новый его роман, который он пишет, будет историческим по сюжету и антивоенный по существу.»

Американские газеты с 300.000-ными тиражами, хвастающие своей осведомлённостью и правдивостью, не раз выражали на своих страницах удивление, что семеро советских журналистов не похожи друг на друга и носят костюмы разного цвета!

Когда советские журналисты посетили Уолл-стрит, президент фондовой биржи г-н Фанстон в разговоре с ними заметил, что мирная экономика более стабильна. Фанстон сказал: «Когда угроза войны усиливается, некоторые акции временно поднимаются, но за этим следует падение других».

Это ноябрь, а в сентябре этого года биржа Нью-Йорка испытала страшное потрясение. 26 сентября кривая курсов акций на бирже Нью-Йорка резко пошла вниз. Агентство Associated Press назвало это падение курсов акций «вторым (после 1929 года) самым резким падением в истории».

По данным агентства, было продано свыше 7.700.000 акций — крупнейшая распродажа за последние 18 лет (т.е. с критического 1937 года).

Составляемый агентством Associated Press средний курс акций 60 компаний упал на 11 долларов 40 центов. По сообщению агентства единственное более резкое падение курсов акций, учитываемых индексом агентства, произошло в октябре 1929 г., когда, по подсчёту Associated Press, курсы упали на 15 долл. 40 центов.

26 сентября резко упала стоимость даже самых надёжных акций. Акции «Дженерал моторс» и «Стандард ойл оф Нью-Джерси» упали более чем на 10 долларов за акцию; корпорации «Юнайтед Стейтс стил» — более чем на 7 долларов.

Газета «New York times» сообщает, что падение курсов 26 сентября — самая большая долларовая потеря в истории. 27 сент. газета писала:

«Из ряда больших падений курса ценных бумаг, происшедших за один день за последние два десятилетия, вчерашнее падение было самым резким. . . Стоимость ценных бумаг на нью-йоркской фондовой бирже упала приблизительно на 14 млрд. долларов, что составляет половину прироста стоимости в 1955 году.»

За первые три квартала нынешнего года концерн «General motors» получил рекордную чистую прибыль — 913 млн. долларов. Ожидается, что прибыль концерна за весь 1955 год превысит миллиард долларов. Ни одна промышленная компания в США ещё не получала таких прибылей. Журнал «News week» поместил рисунок: папа сидит в кресле с газетой, а карапуз говорит ему: «Но я не хочу быть президентом Соединённых Штатов. . . Я хочу быть президентом Дженерал моторс!»

А одна индийская газета поместила карикатуру из американск. жизни, где двое разговаривают о третьем:

— *Why does that chap always refer to his wife as “my own”?*

— *She’s the only thing in his house is not being bought on the installment system!*

(— *Почему этот мужчина, говоря о жене, всегда прибавляет: «Моя собственная?»*)

— *Она единственная вещь в его доме, которая не приобретена в рассрочку!*)

Только что в воскресном эстрадном концерте по радио была исполнена американская песенка «Джонни» (русский текст Доризо). Как ликуют сейчас московские стилисты! А вот начинают разучивать по радио песню Дунаевского «Не забывай» из кинофильма «Испытание верности», слава поэта Матусовского. Хорошая песня. Это была последняя работа Дунаевского, автора лучших советских песен (наряду с Шостаковичем).

6 декабря. Вторник. В США произошло слияние АФТ и КПП. Булганин и Хрущёв сейчас в Бирме.

Говорят, Аллочка Ларионова дочь Аллы Константиновны Тарасовой. Коптяева якобы жена Ф. Панфёрова. Подлец снова всплывает на поверхность. В Москве в январе собирается Третье всесоюзное совещание молодых писателей: один из творческих семинаров будет вести Ф. И. Панфёров. Я презираю этого негодяя и не могу говорить о нём спокойным тоном. Когда я вспомню его трилогию о войне и «Волгу-матушку», меня тошнит. Это не человек, а ползучий гад, и может быть, зараза подлости прилипает от него к тем, кто пожимает ему руку.

Есенин окончательно реабилитирован, Корнелий Зелинский обнаружил в его доселе весьма негероической биографии два обыска и чуть ли не жандармскую слежку.

Феликс Чернуха в Москве собирается жениться на Гальке Козьминых и, вероятно, потому не пишет мне; Виться Торопчин скоро женится на Мусе. Геба сыграл свадьбу с Валей Сургучовой 1 октября, когда ни меня, ни Витьки в городе не было.

Скоро я останусь совсем один: друзья обзаведутся жёнами или разъедутся, как уехал в Запорожье Сашка Руденко, а новых находить всё труднее. Вот уж Феликс не хочет мне писать. Кого найду я себе под пару, когда расстанусь с Витькой? С ним, одним из очень немногих, я мог говорить обо всём, не опасаясь встретить плоской шутки или тупого непонимания. У нас с ним много общего: литературные вкусы, взгляды на жизнь, любовь к женственному (*das Ewig-weibliche*). Он любит, и его любят многие.

А я? Мне это не дано. Это не мой удел. Я галерный гребец с пушечным ядром, прикованным к ногам: это ядро — страсть к писательству. Я знаю, что без него легче жить, но не хочу освободиться: без каторги сильному человеку скучно жить на свете. Что ж, буду каторжником: всё равно, долго я не проживу. Но хотелось бы успеть сделать главное. *Finis coronat opus*. Сделать что-нибудь большое, а там уж можно и умереть, спокойно прислонясь к стене и держа в костенеющих зубах тлеющую папиросу.

Прекрасен утра час, когда, как яркий взрыв,
Во мраке солнце загорится,
Нам бросив: «Добрый день!» — из-за холмов и нив,
Но трижды счастлив тот, кто трудный путь свершив,
Закатом пышным насладится.

(«Романтический закат» Шарля Бодлера).

И если хочешь успеть насладиться пышным закатом, то нужно забыть о побочных мелких честолюбиях, о поганеньком тщеславии, о ресторанных огнях и о веселье, извлечённом из-под винных пробок, а главное отогнать от себя призрак, который страшнее тени Банко — призрак женского мяса, белого искуителя с распущенными волосами, с глазами святой Инесы и с телом Венеры Каллипиги. Не аскетизмом и не толстовским воздержанием нужно защититься от этого призрака, а добродушным скептицизмом и тихой улыбкой отречения. В воздержании не должно быть никакого фанатизма и ярости; время от времени нужно даже суметь пасть. Мудрость в том, чтобы предаваться малым соблазнам и тем оберечься от огромной ошибки. Мудрость в том, чтобы не любить по-настоящему. Нельзя любить женщину больше всего на свете и бросать ей под ноги букеты цветов с припиленными к ним поэмами, новеллами и романами, похожими на душистые бильеду. Творчество не должно возбуждаться одной любовью: нужно пройти через неё и подняться выше.

Я-то, как ни зелен и соплив, а понял, однако, что высшая тема современной литературы — запуганный, злой и потный современный человек, его заплаканная усталая жена, их жадные любопытные дети и их большой кусок чёрного хлеба. Эта жизнь совсем не так уж мрачна и порою в неё даже врывается светлая мечта в виде белокурой девушки с синим глазами. . . но главное всё же осыпанный росой огород, вонзившаяся в землю лопата, мозолистые руки, заночевавший при грустной луне железный Эндимион марка ха-те-зе и кусок

хлеба, извечный кусок хлеба. Роз пока что не видно. Нет, розами явно не пахнет; хлеб есть, но розами не пахнет; пахнет дерьмом и блевотиной. Сколько лет ещё нужно чистить эту старую планету?

8 декабря. Четверг. Из «Золотой розы», книги Паустовского о писательском труде.

«В последние году характерные подробности начали исчезать из беллетристики, особенно в вещах молодых писателей.

Без подробности вещь не живёт. Любой рассказ превращается в ту сухую палку от копчёного сига, о какой упоминал Чехов. Самого сига нет, а торчит одна тощая палка.

Смысл подробности заключается в том, чтобы, как говорил Пушкин, «мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем».

С другой стороны, есть писатели, страдающие утомительной и скучной наблюдательностью. Они заваливают свои сочинения горами подробностей: без отбора, без понимания того, что подробность имеет право жить и необходимо нужна только в том случае, если она характерна, если она может сразу, как лучом света, вырвать из темноты любого человека или любое явление.

Например, чтобы дать представление о начавшемся крупном дожде, достаточно написать, что первые его капли громко щёлкают по газете, валявшейся на земле под окном».

Подробность должна быть «определяюще целой и, кроме того, обязательной». Паустовский говорит о реалистической детали.

«Подробность теснейшим образом связана с тем явлением, которое мы называем интуицией.

Интуицию я представляю себе как способность по отдельной частности, по подробности, по одному какому-либо свойству восстановить картину целого».

(Из словаря: «Диалектический материализм... считает, что интуиция, чутьё, догадка являются результатом большого ранее приобретённого опыта и наличия накопленных научных знания; интуиция играет не основную, а подчинённую роль в процессе познания».)

«Интуиция помогла Пушкину, никогда не бывшему в Испании и в Шотландии, написать великолепные испанские стихи, написать «Каменного гостя», а в «Пире во время чумы» дать картину Шотландии не худшую, чем это могли сделать Вальтер Скотт или Бернс — уроженцы этой туманной страны.»

Далее Паустовский пишет: *«Почти у каждого из писателей есть свой вдохновитель, свой добрый гений, — обыкновенно, тоже писатель.*

Стоит прочесть хотя бы несколько строк из книги такого вдохновителя, и тотчас же захочется писать самому. Как будто бродильный сок брызжет из некоторых книг, опьяняет нас, заражает и заставляет обратиться за перо».

«Гайдар называл своим вдохновителем Диккенса. Что касается меня, то любая страница из «Писем из Рима» Стендаля вызывает желание писать, причём я пишу вещи настолько далёкие от прозы Стендаля, что это удивляет даже меня самого».

9 декабря. В письме к брату Николаю, художнику, Чехов изложил свой кодекс воспитанности. Он писал:

«Ты часто жаловался мне, что тебя «не понимают»!! . . . Уверяю тебя, что, как брат и близкий к тебе человек, я тебя понимаю и от всей души тебе сочувствую. . .

Все твои хорошие качества я знаю, как свои пять пальцев, ценю их и отношусь к ним с самым глубоким уважением.

Я, если хочешь, в доказательство того, что понимаю тебя, могу даже перечислить твои качества. По-моему, ты добр до тряпичности, великодушен, не эгоист, делишься последней копейкой, искренен; ты чужд зависти и ненависти, простодушен, жалеешь людей и животных, не ехиден, не злопамятен, доверчив. . . Ты одарён свыше тем, чего нет у других; у тебя талант».

Но все эти великолепнейшие качества Чехов ставит ниже воспитанности. «Недостаток же у тебя только один. В нём и твоя ложная почва, и твоё горе. . . Это — твоя крайняя невоспитанность. Извини, пожалуйста, но истина важнее дружбы.»

Воспитанные люди, пишет Чехов, «уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, устойчивы» . . .

Далее Антон Павлович намекает на поведение Николая: «Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резины, живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжение, а уходя не говорят: с вами жить нельзя!

Они прощают и шум и холод. . . и остроты, и присутствие в их жилище посторонних. . .

Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам.

Они болеют и от того, чего не увидишь простым глазом. . .

Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках.

Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего.

Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии. . . Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают. Они не унижают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтобы в ответ им вздыхали и нянчились с ними. Они не говорят: «меня не понимают!», потому что всё это бьёт на дешёвый эффект, пошло, старо, фальшиво. Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомство с знаменитостями. . .

. . . Делая на грош, они не носят папкой на сто рублей и не хвастают тем, что их пустили туда, куда других не пустили. . .

Истинные таланты всегда сидят в потёмках, в толпе, подальше от выставки. . . Даже Крылов сказал «пустую бочку слышнее, чем полную». . . Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женищинами, вином, суетой. . . Они горды своим талантом, сознавая, что они призваны воспитывающее влиять. . .

К тому же они брезгливы. Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплёванному полу. . .

Они стараются возможно укротить и облагородить половой инстинкт. . . Им нужны от женщины не постель, не лошадиный пот, не ум, выражающийся в уменье лгать без устали. . . Им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность, способность быть матерью. . .

Они не трескают походя водку, не нюхают шкафов, ибо они знают, что они не свиньи. Пьют они, только когда свободны, при случае. . . Ибо им нужен здоровый дух в здоровом теле. И т.д.

Таковы воспитанные. Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, недостаточно прочесть только Пиквика и вызубрить монолог из «Фауста». . . Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля. . . Тут дорог каждый час.»

(По книге В. В. Ермилова «Чехов»).

10 декабря. Суббота. Валериан Георгиевич Прокшин поставил мне «отлично» за доклад «Проблема положительного героя в романе Пушкина «Евгений Онегин»». Доклад я в основном скомпилировал из монографии Николая Леонтьевича Бродского и из VI тома академической «Истории русской литературы», с учётом Герцена, Белинского и — Поспелова, автора статьи в сборнике «Пушкин» за 1941 год. Своего я внёс немного: мои идеи были довольно спорны — Онегин близок к декабристам, он обобщает исторический период 20- годов — переход от дворянской революционности к либерализму; впрочем, вру, Онегин ничего общего с настоящим русским либералом не имел. Онегин — переходный тип от Чайковского к «лишним людям». Вот так я и говорил. Онегин — положительный герой, но с рядом оговорок. Ну, по Бродскому, я сближал Онегина с П. Я. Чаадаевым, П. П. Кавериним и А. Н. Раевским, а это были люди, близкие к декабризму. Особенно много общего в Онегине с Чаадаевым. Прокшин сделал мне указание в том духе, что я слишком идеализирую Онегина; он сам усиленно подчёркивал, что «логическое развитие» образа Онегина через бельтовых и рудиных ведёт прямо к Илье Ильичу Обломову. Это он чересчур. Но, в общем, он поставил мне пятёрку.

Сегодня с Витькой я был в кино и смотрел цветную картину студии Ленфильм «Двенадцатая ночь» по Шекспиру. Главную роль, Оливию, играла знаменитая проститутка Аллочка Ларионова. Это наглая и красивая женщина, крупная блондинка. В её глазах, губах и ноздрах есть что-то вызывающее, порочное и холодное. Её можно любить, можно и презирать. Актёрские дарования её равны нулю, игра безжизненная, но она молода и хороша собой. Говорят, что она дочь Аллы Константиновны Тарасовой, знаменитой Кручининой и Анны Карениной советского театра. Это похоже на правду: есть что-то общее в лице и манере.

20 декабря. Вторник. Прочёл «Римские рассказы» Альберто Моравиа в журнале «Новый мир». Чудовищно, что этот писатель впервые переводится на русский язык. Прочёл роман «Подросток». Теперь я читал Достоевского: «Преступление и наказание», классический роман 19 века, «Братья Карамазовы», «Подросток», «Бесы», повести «Игрок», «Вечный муж», «Бедные люди», «Белые ночи», «Неточка Незванова». «Униженные и оскорблённые» я читал очень бегло, плохо помню. Нужно перечесть, а также прочитать «Двойник», «Идиот», «Село Степанчиково», «Записки из подполья» и «Дневник писателя». После этого я смогу сказать, что немного знаю Достоевского. О нём я читал Горького, Луначарского, «Борьбу за жизнь» Писарева и остальные — м. . . кие (?) статьи. Заглянул в «Воспоминания» Авдотьи Панаевой. Читал очень интересную книжку Леонида Гроссмана «Рулетенбург».

Прочёл старый бульварно-фантастический роман Райдера Хаггарда «Она». Чудеса и кошмары. «Она, которой все повинуются». В джунглях Африки живёт царица дикого племени — Аэша, таинственная и ужасная женщина невероятной красоты. Ей две тысячи лет. Книжка в общем бред, но очень забавно сделана. Вот как нужно писать: идеальное соответствие формы и содержания. Эта дрянь увлекает против воли. Вот кульминационная сцена сказки, XXVI ая глава: «Что мы видели». (Аэша входит в огонь жизни).

«Последовало молчание. Казалось, Аэша собирала все свои силы для испытания, пока мы молчали и ждали. Наконец, послышался ужасный, грохочущий звук, который всё приближался к нам. Услыхав его, Аэша тихо сбросила своё газовое покрывало, растянула золотую змею у пояса, завернулась своими великолепными волосами, которые окутали её, как платье, и тихо спустила с себя белое одеяние! Так стояла она, как Ева перед Адамом, закрытая только волосами, божественно прекрасная в своей наготе. Ближе и ближе неслось пламя.

Вдруг Аэша освободила одну точёную руку из массы волос и обвила ею шею Лео, потом, поцеловав его в лоб, пошла вперёд и встала там, где должно было пройти пламя.

Что-то трогательное было в тихом поцелуе Аэши. Словно нежная мать поцеловала своего ребёнка и благословила его!

Опять страшный, потрясающий шум, словно ветер вырывает деревья с корнем. . . Вот уже отблеск, предвестник огня, стрелой пролетел в воздухе. . . Вот и пламя. . .

Аэша повернулась и, протянув руки, низко поклонилась ему. Огонь охватил её. . . всю её фигуру. . . дивные формы. . . Я видел, как она подняла обе руки и полила огонь, словно это была вода, себе на голову, открыла рот и втягивала его в себя. . . Ужасное зрелище!

Потом она стояла тихо, вытянув руки, с небесной улыбкой на лице, словно сама была духом пламени. Таинственный огонь перебежал и играл на её тёмных длинных локонах, лизал её дивную грудь и плечи, с которых соскользнула волна волос, скользил по её горлу и лицу, загорелся ярким светом в сияющих глазах. Как прекрасна была она в пламени!

Вдруг странная перемена произошла в её лице. Улыбка исчезла, глаза смотрели сухим, недобрим взглядом, правильное лицо вдруг удлинилось и осунулось, словно она испугалась чего-то, прекрасные формы тела потеряли свои дивные очертания и красоту.

Я протёр глаза, думая, что сделался жертвой галлюцинации под влиянием сильного света. Но пламя с грохотом исчезло, и Аэша стояла на своём месте.

Она сделала несколько шагов к Лео, мне показалось, что её походка утратила прежнюю грацию, и хотела положить руку на его плечо. Я взглянул на её руки. Куда исчезла их необычайная красота? Они были худы и костлявы. А её лицо! Великий Боже! Лицо её состарилось на моих глазах! Полагаю, что Лео заметил это, потому что попытался от неё.

— Что случилось, Калликрат? — произнесла Аэша хриплым и глухим голосом. Что стало с её серебристым музыкальным голосом! — Что такое, что такое? — проговорила она смущённо. — Действие огня, наверное, не изменилось? Скажи мне, Калликрат, что случилось с моими глазами? Я плохо вижу!

Аэша положила руку на голову и дотронулась до волос и о, ужас! Чудные волосы упали на землю.

— Смотрите! Смотрите! — закричал Джон каким-то диким фальцетом. — Смотрите! Она оплешивела! Она превратилась в обезьяну!

Джон упал на землю с пеной у рта, сжимая кулаки. Глаза его выжили из орбит.

Это была правда. Тяжело вспоминать об этом и теперь! Аэша лишилась своих чудных волос. Она становилась всё меньше и меньше, кожа её изменила свой цвет и походила теперь на старый пергамент, нежные руки превратились в лапы, фигура напоминала высохшую мумию.

Казалось, она вдруг поняла, что произошло с ней и закричала, о как страшно она закричала! Затем упала на пол и продолжала кричать.

Фигура её всё уменьшалась, пока не достигла размеров небольшой обезьяны. Кожа сморщилась; прекрасное лицо сделалось лицом дряхлой старухи. Я никогда не видел ничего подобного и думал, что потеряю рассудок.

Наконец, она затихла. Две минуты тому назад Аэша, прекраснейшая, очаровательнейшая, мудрейшая женщина во всём мире, смотрела на нас, улыбаясь своими лучезарными глазами! Теперь перед нами лежало отвратительное существо, величиной с обезьяну. И всё-таки это была та же самая женщина! Она умирала. Мы видели это и благодарили Бога. Могла ли она жить теперь? Приподнявшись на костлявых руках, она медленно покачивала головой; глаза её ничего не видели, но говорить она могла.

— Калликрат! — произнесла она хрипло. — Не забывай меня! Сжалься над моим стыдом! Я не умру и снова вернусь, снова буду прекрасной, клянусь тебе! О... о... о! — она упала ничком и умолкла.

На том самом месте, где двадцать столетий тому назад Аэша убила жреца Калликрата, она умерла сама.

Подавленные ужасом и страхом, мы упали на песок и потеряли сознание»

Какая гнусная и жуткая картина! Сама идея заимствована их уайльдовского «Портрета Дориана Грея». Но Райдер Хаггард проявил немало подлого таланта, расписывая и сма-

кую гибель и распад живого и прекрасного под действие каких-то мистических сил «огня жизни».

27 декабря. Рассказ мой напечатан не будет. Иван Владимирович Сотников, редактор альманаха, вернул его мне. Правда, сегодня в газете «Ленинец» поместили мою рецензию на «Кремлёвские куранты», спектакль Русского театра драмы, но утешение маленькое.

Вчера я купил роман Фейхтвангера «Гойя, или тяжкий путь познания». Книга хорошо издана. Прочесть я её еще не успел.

29 декабря. Четверг. Долгое время прожил в Уфе талантливый московский поэт Николай Милованов. Он переводил башкирских поэтов и пропивал гонорары. Его жильём была гостиница «Башкирия», вернее, ресторан на первом этаже этой гостиницы. Я встречал его на улицах, обычно пьяным, в его тёмном пальто и в шляпе. Часть времени, проведённого им в Уфе, Милованов находился в психбольнице. Он допился в последнее время до психоза; писал стихи, проклинавшие Уфу; показывал по секрету избранным уфимским друзьям пирожок, которым его хотели отравить. Пирожок лежал у него в шкафу тухлый и зачерствелый, и Милованов серьёзно утверждал, что пирожок отравлен.

Вот одно его давнишнее стихотворение:

Нас хоронила артиллерия.
Она сначала нас убила
И, не гнушаясь лицемерия,
Потом клялась, что нас любила.
Она раскаивалась жерлами,
Но мы не верили ей дружно
Всеми искромсанными нервами
В руках полковников медслужбы.
Мы доверялись только морфию,
По самой крайней мере брому,
А те из нас, что были мёртвыми,
Земле неверной, но знакомой.
И тех из нас, что были мёртвыми,
Земля крутясь не колебала.
Они чернели натюрмортами
Готического Калибана.
За нас молились леди Англии
И китайянки восковые.
Нас интервьюировали б ангелы,
Когда б здесь были таковые.
Но здесь одни лишь операторы
Из студии документальных фильмов

Накручивают аппаратами,
А их освистывают филины.

Один из них, случайно выживший,
В Москву осеннюю приехал.
Он брёл по улицам, как выпивший,
И меж живых прошёл, как эхо.

Кому-то он мешал в троллейбусе
Ногой искусственной своею.
Сквозь эти мелкие нелепости
Он приближался к мавзолею.

Там всё ещё ползут, минируют
И принимают контрудары,
А здесь уже иллюминируют,
Уже кропают мемуары.

А здесь, за целиною гибельной,
Ленивым лоском льют паркету.
Большой театр квадригой вздыбленной
Следит салютную ракету.

И в нём по мановенью Файера
Взлетают стаи Лепешинских,
И фары плавают плечи фрайеров
И шубки женские в пушинках.

Солдаты спят. Им льёт регалии
Монетный двор порой ночью.
А пулемёты обругали их
Блевотиною разрывною.

Но нас не испугает ненависть
Вечерних баров, тайных спален.
У нас защитник несравненный есть —
Главнокомандующий Сталин.

И отослав уже к полуночи
Секретарей и адъютантов,
Они видит: в дымных касках юноши
Свисают с обгорелых танков.

На них пилоты с неба рушатся,
Костями в тучах застревают.
Но не оскудевает мужество,

Как небо не устаревает.

Так путь любовь и независимость

Нас отличат от проходимцев,

Как отличил Генералиссимус

Своих неназванных любимцев.

Прочёл роман Фейхтвангера. Вообще я маловато читал в этом году. Начал зазнаваться. Первые успехи вскружили мне голову. Вот и получил щелчок по носу: рассказ вернули. Над повестью работа моя заглохла: мыслей много, а времени нет. Гаснет огонь. Скоро сессия, а я не начал готовиться. Вообще настроение у меня перед праздником совсем не праздничное. Вспоминается Эльвира. Тянет к большой жизни, к свету, к Москве, а в перспективе — район Башкирии и карьера сельского учителя. Что-то меня не прельщает высокая честь унавоживать почву для сева будущей цивилизации. У меня слабеют руки, нет веры в себя.

И вместе со слабостью всё сильнее растёт ненависть и презрение к себе. Работать, сволочь! Вонючее дерьмо, докажи, что ты человек. Или ты в самом деле годишься только на удобрение?

Ладно, я буду работать... Буду работать.

Пианист Эмиль Гилельс об американских музыкантах, «Новое время», 1955 год, № 52.

С большой радостью я встретился с Полем Робсоном. Он, как всегда, энергичен и полон сил (что было особенно приятно видеть, так как Робсон недавно перенёс сложную хирургическую операцию).

— *Как хорошо, что советские артисты наконец приехали в Штаты, — говорил он, крепко пожимая мне руку. И добавил:*

— *Надеюсь, что скоро встретимся в Москве!*

Многие из моих американских собеседников охотно вспоминали о своих визитах в Москву. Так, после концерта в Нью-Йорке меня посетил один из самых выдающихся скрипачей современности, Фриц Крейслер. Крейслеру сейчас более 80 лет, и он не выступает в концертах. Старый музыкант с большой теплотой вспоминал о своих гастролях в Москве и о гостеприимстве московской публики. На память о нашей встрече Крейслер подарил мне свою фотографию с тёплым посвящением; своё имя он написал на нотной строчке, которую сам набросал на полях фотографии.

Советскую музыку в Америке любят и знают её лучших представителей. Так, все фортепианные сонаты Прокофьева записаны на граммофонные пластинки американскими исполнителями. Последняя симфония Шостаковича — 10-я — уже исполнялась в Нью-Йорке. Его имя вообще хорошо известно в Штатах. В этом я лишний раз убедился во время одной из самых памятных для меня американских встреч — с Артуро Тосканини.

Тосканини, имя которого известно во всём мире, живёт сейчас вдали от городского шума. Около двух лет тому назад он продирижировал своим последним концертом и покинул знаменитый концертный оркестр Национальной радиоконпании, с которым работал

несколько десятилетий. Оркестранты так тяжело перенесли расставание со своим руководителем, что первое время предпочитали играть совсем без дирижёра. Сейчас этот оркестр, именуемый «Симфония эфира», сохранил великолепные традиции Тосканини, в чём я смог убедиться, выступая с ним в Нью-Йорке.

Встреча с Тосканини состоялась в его загородном доме недалеко от Нью-Йорка, где он живёт безвыездно. Ему 88 лет, но он бодр и оживлён. Тосканини очень тепло нас принял и долго расспрашивал о нашей жизни, о советской музыке. Затем он пригласил нас послушать одну из его самых любимых записей. Ею оказалась знаменитая 7-я симфония Шостаковича.

— Я дирижировал этой симфонией в 1942 году, — сказал Тосканини, — в дни войны. Это было первое исполнение симфонии в Штатах. . .

Все мы с глубоким волнением слушали музыку, родившуюся в суровые дни ленинградской блокады. Тосканини, сидя в глубоком кресле, пальцами рук как бы дирижировал невидимым оркестром. . . »

Новый год.

Снова бьют часы на Спасской башне,
Стрелки золочёные сошлись.
Огненные розы в небе нашем
Распустились и оборвались.

Новый год с обычной картиной:
В мирном небе праздничный салют.
Телеграфной полосой длинной
В этот час друзья приветы шлют.
Как нам не охота, как не нужно,
Как не ждут земли моей сыны,
Чтоб такой весёлой ночью вьюжной
К нам пришла повестка от войны.

Чтоб взлетели с рёвом и со свистом
Самолёты с плачущей земли!
Для того ли в нашем доме чистом
Мы огни весёлые зажгли?

Для того ли мы живём на свете,
Чтоб кровавить белый снег войной,
Чтоб глаза возлюбленные эти
Затянуло смертной пеленой?

Нет, не нужно. Нет, совсем не стоит.
Впрочем, это слово — не слеза.
Это слово — верное, простое,

Как с огнём летящая гроза.

Здесь никто не молится, не плачет:
Мы глядим, сощуриив твёрдый взгляд.
Трубы слышны за морями.
Значит,
Снова нам о битве говорят.

Боевые, горестные лета!
Разве их возможно позабыть?
Перед нами стал вопрос поэта,
Роковое «быть или не быть».

Пел солдат, дорогами шагая,
Про свои родные огоньки,
И страна глядела не моргая,
Смерти в косоглазые зрачки.

Заросли окопы и траншеи,
Но ландскнехты помнят неспроста,
Как мы наложили им по шее
И в другие прочие места.

Но опять о крови воют трубы
За спокойной линией границ.
В костяной улыбке скалит зубы
Морда без бровей и без ресниц.

Наш народ — жестокого закала.
Слышим мы: они трубят опять.
Ладно, друг, [Ну и пусть] разлей вино в бокалы.
Мы за мир сумеем постоять.

Будем мы за мир стоять до гроба,
За огней счастливых мирный ряд.
И окошки ваших небоскрёбов. . .
мы не против. . . пусть они горят.

Пусть огни сияют полным светом
И дворцы встают в свой полный рост.
Я провозглашаю вот за это
Свой негромкий новогодний тост.

Декабрь 1955 года.

